

ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Авторы: Н. Д. Арутюнова

ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ в языкознании, совокупность течений и отдельных концепций, в которых язык изучается в его отношении к мышлению и знанию, ориентированных на те или другие школы в логике и философии.

Для Л. н. характерно: 1) обсуждение проблем гносеологии (см. [Теория познания](#)); 2) тенденция к выявлению универсальных свойств языка в ущерб его нац. особенностям (см. [Универсалии лингвистические](#)); 3) выработка единых принципов анализа языка, независимых от реальных языковых форм (общее для всех языков представление структуры предложения, системы частей речи и др.); 4) предпочтение синхронного анализа диахроническому и соответственно описат. грамматик – историческим и сравнительно-историческим; 5) преимущественная разработка [синтаксиса](#) (теории предложения) и [семантики](#); 6) преобладание функционального (содержат.) подхода к выделению, определению и систематизации [категорий языковых](#); 7) определение [грамматических категорий](#) по их отношению к универсальным категориям логики: слова – к понятию ([концепту](#)), части речи – к выполняемой ею логич. функции, предложения – к суждению, сложного предложения – к умозаключению; 8) допущение скрытых (имплицитных) компонентов предложения, экстраполируемых из его логич. модели.

Логич. подход к языку характерен для воззрений греч. философов 5–1 вв. до н. э., для концепций зап.-европ. схоластич. науки (логики и грамматики) Средневековья, для рационалистич. концепций языка, лежащих в основе всеобщих (философских) грамматик (17 – 1-я пол. 19 вв.), а также для ряда школ и течений в логике, философии и лингвистике кон. 19–20 вв. [философии анализа, лингвистич. философии (см. [Аналитическая философия](#)), филос. логик, логич. анализа естеств. языков].

Связь языкознания с логикой является изначальной. Сам термин «логика», введённый стоиками (см. [Стоицизм](#); в отличие от них Аристотель применял к законам мышления термин «аналитика»), обозначал словесное выражение мысли (λόγος). Основным для большинства греч. мыслителей являлся принцип «доверия языку» в его обнаружении разума и доверия разуму в его познании физич. мира. Предполагалось, что подобно тому, как имя выражает сущность обозначаемого им предмета (тезис реалистов в их споре с номиналистами; см. [Реализм](#), [Номинализм](#)), структура речи отражает структуру мысли (см. [Античная языковедческая традиция](#)). Поэтому теория суждения основывалась на свойствах предложения, способного выражать истину. Наиболее ранние термины, применявшиеся греками к языку, имели синкретич. логико-лингвистич. смысл. Термином λόγος обозначались и речь и мысль, и суждение и предложение; имя (греч. ὄνομα) относилось и к классу слов (существительным), и к их роли в суждении (субъекту); глагол (греч. ῥῆμα) означал и часть речи, и соответствующий ей член предложения (сказуемое) и т. п. Логич., синтаксич. и формально-морфологич. аспекты единиц речи воспринимались в их нерасчленённой целостности, предполагающей прямую обусловленность формы логич. функцией. Таким образом, внимание фиксировалось на случаях взаимного соответствия, гармонии логич. и языковых (как формальных, так и содержательных) категорий. В центре анализа – логически релевантные единицы, прежде всего предложение-суждение, с которым связывались значения истинности и модальности. Этим определялся функциональный (в противовес формальному) подход к речи, понимаемой как сопряжение обозначающего, обозначаемого и предмета.

Схоластич. наука 5–14 вв., продолжавшая греко-рим. традицию, не разорвала связи между логикой и грамматикой. Логизация грамматики усилилась в эпоху П. [Абеляра](#) (11–12 вв.), когда было заново открыто наследие Аристотеля, в частности стал доступен полный свод его логич. сочинений. Близость логики схоластов (см. [Схоластика](#)) к грамматике в числе др. факторов была обусловлена отсутствием спец. логич. символики, вследствие чего положения логики обосновывались материалом естеств. языка (гл. обр. латыни). Единение логики и лингвистики способствовало формированию концепции философской (спекулятивной) грамматики. К числу понятий, получивших оригинальное развитие в ср.-век. логико-грамматич. трактатах,

принадлежат: различение категорематич. и синкатегорематич. слов; понятие суппозиции (лат. *suppositio*; букв. – подстановка, замещение); значение предложения (диктум). Под синкатегорематическими (термин отмечен у [Присциана](#)) понимались слова, употребляющиеся с именем или глаголом (т. е. категорематическими, полнозначными словами) в качестве созначающих элементов (предлоги, связка, глаголы аспектуального значения и др.). Понятие «суппозиция» (в трактатах [У. Оккама](#), [Петра Испанского](#), [У. Шервуда](#), [Ж. Буридана](#) и др.; ранее употреблялся в близком смысле термин *appellatio* ‘наименование’) обозначало отношение имён, рассматриваемых в контексте предложения-суждения, к объектам действительности. На языке совр. логики это допустимые подстановки значений термов (именных компонентов суждения). Ш. [Балли](#), испытавший влияние схоластов, определил суппозицию как «актуализацию виртуальных понятий». Схоласты считали, что благодаря суппозиции предикат устанавливает связь с действительностью и предложение-суждение получает истинностное значение. Суппозиция вместе с понятием виртуального языкового смысла (*significatio*) образовывала ядро схоластич. семантики. Схоластами выделялись многочисл. виды суппозиции: *suppositio personalis* – отнесение имени к индивидуальному объекту, *suppositio materialis* – автономные употребления, т. е. отнесение к самому себе в метаязыковых утверждениях, *suppositio impropria* – несобственная суппозиция, реализуемая фигуральными значениями имён, *suppositio simplex* – отнесение имени к свойствам объекта и др.

В основу теории значения предложения было положено понятие диктума (лат. *dictum*, *dicibile*, *enuntiabile*), подробно обсуждавшееся в трактатах 12 в. П. Абеляр подчёркивал, что предложения обозначают не предметы, а состояния предметов. Диктум как объективная часть значения предложения соотносительна с модусом – операцией, производимой мыслящим субъектом. В 20 в. Ш. Балли ввёл в лингвистику теорию модуса и диктума.

Особое место в схоластич. науке 13–14 вв. занимает концепция модистов. Её основанием служило различение в речи 3 компонентов: подразумеваемой вещи, понятия и слова, которым соответствовали 3 категории модусов – *modi essendi* (модусы существования), *modi intelligendi* (модусы понятия) и *modi significandi* (модусы

обозначения). Осн. внимание модистов было сосредоточено на общих способах обозначения (*modi significandi*). В понимании предложения модисты опирались на идею движения, заимствованную из «Физики» Аристотеля (кн. 3). Предложение понималось как динамич. переход от начального пункта (лат. *terminus a quo*), называемого *suppositum* (букв. – подставленное), к конечному пункту (лат. *terminus ad quem*), называемому *appositum* (букв. – присоединяемое). К частям речи, соотносительным с исходной позицией, причисляли существительные и местоимения в им. п., называемые *modus entis* ‘модус сущего’. К частям речи, соотносительным с конечным пунктом, причисляли глаголы, прилагательные, причастия и наречия, называемые *modus esse* ‘модус существования, бытия’. Третья из выделенных групп объединяла части речи, выражающие отношения (предлоги, союзы и междометия).

В период господства филос. доктрины рационализма (17 – 1-я пол. 19 вв.) была возрождена идея универсальных («всеобщих») грамматик, основанная на убеждении в абсолютном соответствии речи натуральной логике мышления. Франц. грамматик С. Ш. Дюмарсе писал, что «во всех языках мира существует только один необходимый способ образования смысла при помощи слов». В 1660 в мон. Пор-Рояль учёными монахами А. Арно и К. Лансло создана т. н. Грамматика Пор-Рояля (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*), ставшая образцом такого рода сочинений (см. Универсальные грамматики). Этим грамматикам придавалось прежде всего логико-филос. значение (в разработке связанных с языком проблем участвовали философы Дж. Локк, Д. Дидро, С. Ш. Дюмарсе, Г. В. Лейбниц и др.). Категории языка интерпретировались как соответствующие определённым операциям рассудка: его способности представлять, судить и умозаключать. Членение грамматики иногда получало гносеологич. осмысление. Так, К. С. Аксаков делил грамматику на 3 части: часть I – имя (отражает осознание предметов, бытия в покое); часть II – глагол (отражает осознание действия, бытия в движении); часть III – речь (т. е. синтаксис; отражает осознание жизни в её целостности). Всеобщие грамматики обычно не были последовательно логическими, напр. в описании формообразования. В этом сказался опыт собственно лингвистич. исследований, начатых рим. учёными (Присцианом, Донатом и др.). Однако за основу принималась универсальная модель, составленная из выделенных в латыни грамматич. категорий. Влияние логич. мысли (в версии

аристотелевой формальной логики) было велико в интерпретации категорий синтаксиса. В определении И. И. [Давыдова](#) синтаксис «исследует или логические отношения понятий и их выражение, или логические отношения мыслей и их выражение». В дефинициях классов слов указывались не их формальные признаки, а их способность выполнять некоторую синтаксич. функцию. Так, существительные определялись как «слова подлежащего»; в особую группу выделялись слова, приспособленные для выполнения функции сказуемого (Л. Г. Якоб). Предложения анализировались по модели суждения (S есть P).

Уже в рамках Л. н. 19 в. указывалось на возможность несовпадения категорий логики с категориями грамматики, делающего неадекватным описание конкретных языков по логич. модели, а также предпринимались попытки модифицировать логич. принципы, сняв их противоречие языковым данным. Ф. И. [Буслаев](#) отказался от выделения связки в качестве обязат. компонента структуры предложения. Вместе с тем он ввёл в синтаксич. анализ второстепенные члены предложения – дополнения и обстоятельства, не имеющие аналогов в составе суждения. Последоват. пересмотр логич. оснований грамматики был начат в психологич. направлении 2-й пол. 19 в. Его предметом стало популярное в европ. лингвистике соч. «Организм языка» К. Ф. Беккера (Германия; ср. его критику Х. [Штейнталем](#) и А. А. [Потебнёй](#)).

Критика логич. принципов анализа, производимая с разных (формально-грамматич., психологич., типологических и др.) позиций, основывалась на следующих положениях: 1) далеко не все категории логики имеют языковое соответствие (в языках не отражены важные для логики родо-видовые отношения, различие между истинными и ложными высказываниями и др.); 2) не все формы языка имеют логич. содержание (так, не все предложения выражают суждение); 3) число логич. и грамматич. членов предложения не совпадает, вследствие чего объём логич. и грамматич. подлежащего и сказуемого различен (логически предложение членится на субъект и предикат, грамматика же выделяет в составе группы подлежащего определения, а в составе группы сказуемого – дополнения и обстоятельства); 4) логич. и грамматич. характеристики членов предложения могут не только расходиться, но и инвертироваться: сказуемое может получать функцию логич. субъекта, а подлежащее – предиката (см. [Актуальное членение предложения](#)); 5) применение

логич. определений к категориям грамматики (типа «суждение, выраженное словами, есть предложение») некорректно; 6) анализ предложений на основе единой логич. модели не позволяет описать реальные синтаксич. структуры во всём их разнообразии (особенно неиндоевропейских языков), затемняя существующие между разными языками типологич. различия и индивидуальные особенности конкретных языков; 7) логич. описания оставляют невыявленными психологический (эмоциональный, оценочный, волевой) и коммуникативный аспекты речи; 8) логика не может дать надёжного принципа классификации языковых форм.

Критика логич. основ грамматики привела к более чёткому отграничению собственно языковых категорий от категорий логики, что развило технику формального грамматич. анализа и выдвинуло на первый план морфологию. Интерес к целостным, законченным единицам речи (предложению, периоду) сменился вниманием к миним. единицам языка (морфеме, дифференциальным признакам, семе). Логич. принципы и методы анализа уступили место психологическим, формально-грамматическим, структурным.

В кон. 19 – нач. 20 вв. в ряде логико-филос. школ (преим. в рамках неопозитивизма и эмпиризма) началось изучение логич. аспекта естеств. языков. Представители аналитич. философии, или философии анализа (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Х. Рейхенбах и др.), предприняли логич. анализ языка науки с целью определения границ истинного знания. Исходя из принципа «недоверия языку» как способу выражения мысли и знания, представители этой школы прибегли для обнаружения подлинной логич. структуры предложения к универсальной символич. записи. Наиболее широко использовалось представление предложения как пропозициональной функции (см. Пропозиция), соответствующей предикату, от некоторого числа аргументов, соответствующих именованным компонентам предложения. Логич. язык включал набор констант: логич. связки (напр., \vee – дизъюнкция; см. также Логические операции), операторы, в т. ч. кванторы, указание области их действия и др.

Применение искусств. языка логики обнаружило неоднозначность мн. предложений естеств. языков. В 1960–80-е гг. проблема неоднозначности стала широко

обсуждаться в лингвистике.

Философия анализа разработала ряд проблем логич. семантики, осн. понятиями которой стали сигнификат (интенционал, смысл) и денотат (экстенционал, референт). В связи с понятием сигнификата – собственно языкового, виртуального смысла слов и выражений – обсуждались такие проблемы, как синонимия (тождество значения), значимость (или наличие значения), аналитичность предложений (истинность в силу значения, напр. в тавтологических высказываниях), роль смысла субъектного выражения в формировании значения предложения и т. п. В связи с понятием денотата и денотации исследовались проблемы природы именованности, виды референции и её механизмы. Важным для логич. семантики стало введённое Б. Расселом понятие дескрипций – нарицательных имён и именных выражений, приобретающих способность к референции только в контексте предложения. Дескрипции противопоставлялись Расселом логич. собственным именам, сохраняющим отнесённость к именуемому ими объекту и вне контекста речи. В аналитич. философии было положено начало разработке типов контекстов (У. Куайн) – интенциональных, создаваемых глаголами мышления, мнения, знания, модальными выражениями, и экстенциональных, независимых от субъективного модуса.

Изучая прежде всего язык науки, аналитич. философия не принимала во внимание коммуникативный аспект речи, прагматич. условия коммуникации (см. также Прагматика) и связанный с ними субъективный фактор. В кон. 1940-х гг. некоторые представители этого направления (первым – Л. Витгенштейн) указали на недостаточность теории, ограничивающей функции предложения утверждением истинности суждения. Витгенштейн, концепция которого легла в основу воззрений лингвистич. философии (Г. Райл, П. Гич, П. Стросон, Дж. Остин и др.), обратился к логич. анализу обыденного языка, наблюдаемого в его повседневном функционировании.

Логико-филос. направления повлияли на развитие теоретич. языкознания с 1960-х гг., дополнив круг исследуемых проблем, методик анализа, систему используемых понятий и метаязык. В лингвистике определились направления, одно из которых

тяготеет к собственно логич. анализу естеств. языка, другое изучает логич. аспект употребления языка, коммуникации и др. Это последнее сблизилось с [социолингвистикой](#) и [психолингвистикой](#) и практически объединилось с философией обыденного языка, эволюционировавшей в сторону лингвистич. проблематики.

С 1986 при Ин-те языкознания РАН действует проблемная группа «Логический анализ языка» (под рук. Н. Д. [Арутюновой](#)), представляющая направление лингвистич. исследований, которое использует методы и категории логики и концептуального анализа языка в его отношении к мышлению и знанию. В её работе участвуют логики, философы, филологи и лингвисты. В кон. 1980-х гг. интересы группы были сосредоточены гл. обр. на отношении ментальных и перцептивных глаголов («знать», «видеть», «полагать», «веровать», «думать» и т. п.) и пропозиции, влияющей на истинностное значение высказывания: «Я думаю (знаю, верю), что он говорит правду». С 1990-х гг. на проводимых ежегодно конференциях обсуждаются вопросы концептуального анализа. На них рассмотрены проблемы концептуализации таких понятий, как «судьба» и «истина», «красота», «добро», «действие», «время», «движение», «пространство», «конец» и «начало», «космос» и «хаос»; главным предметом обсуждения на конференции, посвящённой языковому образу человека, были концепты «душа», «дух», «сердце», «ум», «стыд» и др. С 1988 группой выпущены 26 томов исследований, посвящённых разным сторонам языка.

Литература

Лит.: Якоб Л.-Г. Начертание всеобщей грамматики. СПб., 1812; Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852; Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М., 1860; Du Marsais C.-Ch. Logique et principes de grammaire. P., 1879; Robins R. H. Ancient and Mediaeval grammatical theory in Europe... L., 1951; Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957; он же. История западной философии. М., 1959; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958; Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959; Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.; Л., 1963; Pinborg J. Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter. [Kbh., 1967]; Bursill-Hall G. L. Speculative grammars of the

Middle Ages. The doctrine of partes orationis of the Modistae. The Hague; P., 1971; Степанов Ю. С. Современные связи лингвистики и логики // Вопросы языкознания. 1973. № 4; он же. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981; он же. В трехмерном пространстве языка. М., 1985; Ashworth E. J. Language and logic in the post-medieval period. Dordrecht, 1974; Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., [1974]; она же. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; Попов П. С., Стяжкин Н. И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974; Арутюнова Н. Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; La grammaire générale (des modistes aux idéologues). [Lille], 1977; Петров В. В. Проблема указания в языке науки. Новосиб., 1977; Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8; История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980; Hunt R. W. The history of grammar in the Middle Ages. Amst., 1980; Coxito A. Lógica, semântica e conhecimento. Coimbra, 1981; Логика и лингвистика. М., 1982; История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985; Логический анализ естественного языка. М., 1986; Логический анализ языка. М.; Дубна, 1988–2009–. [Т. 1–20–].